

Серия
NON-FICTION

КНИГА ВТОРАЯ

**В КРИВОМ ГЛАЗУ
ВСЕ КРИВО**

Серия
NON-FICTION

Владимир Нестеренко

**ШАГИ ДАЛЕСА.
КАК ЛОМАЛИ РОССИЮ**

Роман-мозаика в двух книгах

Книга вторая

Москва
Интернациональный Союз писателей
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Н56

Автор выражает глубокую благодарность депутату Законодательного Собрания Красноярского края Петру Михайловичу Гаврилову, помощнику депутата Любови Николаевне Гавриловой за финансовую помощь и моральную поддержку в издании романа.

Составитель серии Елена Наливина

Нестеренко, Владимир

Н56 Шаги Даллеса. Как ломали Россию: роман-мозаика в двух книгах. Книга вторая. В кривом глазу все криво / Владимир Нестеренко. — Москва: Интернациональный Союз писателей, 2020. — 254 с. (серия NON-fiction).

ISBN 978-5-907306-72-1

Забуксовавшая перестройка подтолкнула главного героя демократа-идеалиста журналиста Ливанова к осмыслению событий в России в течение XX столетия с помощью мнений множества писателей, публицистов, политиков — как российских, так и зарубежных. Герой, безусловно, знал, что политические тайны и интриги существовали во все времена, но масштабы лжи, ее целенаправленность убивают в нем прежнего человека. С каждым шагом он все глубже понимает причины краха советского коммунизма и распада великой державы. Семейные коллизии героев романа, подчас трагические, тесно увязаны с событиями в стране.

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-907306-72-1 © В.Г. Нестеренко, 2020
© Интернациональный Союз писателей, 2020

ВЛАДИМИР НЕСТЕРЕНКО

Родился 15 января 1941 года. Член Союза журналистов СССР, Союза писателей России, МТО ДА. Издал в Москве, Красноярске, Кызыле двадцать четыре книги повестей и романов, включая одиннадцать книг для детей. Лауреат многочисленных международных литературных конкурсов, в том числе трехкратный золотой дипломант ЗПР. Имеет многочисленные публикации рассказов, повестей в альманахах и журналах «День и Ночь», «Енисей», «Новый енисейский литератор», «Енисейка», «Юный натуралист», а также является одним из авторов семи коллективных сборников, вышедших в Москве, Санкт-Петербурге, Красноярске, Владивостоке, Ужгороде, Новокузнецке. Главный редактор альманаха «Истоки».

Не в силе Бог, но в Правде!

Александр Невский

ВОЛЧЬИ ЗУБЫ НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

1

Слухи на пустом месте не возникают, если они бродят как пьяный мужик и будоражат общество, то почва для них есть. Берлинские народные демонстрации, пограничные конфликты, падение Берлинской стены укрепили разговоры о предстоящем выводе советской группировки войск из Восточной Германии. Они никому из военных не принесли радости, но создали жуткую напряженность. Офицеры собирались группами в штабах, в офицерских комнатах казарм, в добротных и ухоженных не хуже собственных квартир, в ангарах с техникой и орудиями, беспрерывно дымя сигаретами, обсуждали создавшееся неприятное положение и свое туманное будущее. То, что они отсюда уйдут, для них ясно как белый день, но когда и куда? В Союзе для них ни казарм, ни жилья нет. Мужикам не привыкать скитаться по полевым лагерям, но с ними здесь их семьи. Ребятишек нарожали, привыкли к комфорту и изобилию в магазинах. Что и говорить, здесь они как у Христа за пазухой: малыши в детские сады ходят, старшие в школы, магазины тут же, бытовые комбинаты, кинотеатры, спортивные площадки. Все настроено годами, отлажено, отутюжено: служи в удовольствие, живи в радость.

Но нет уже границы между двумя государствами, испарилась как тяжкий туман после долгого ненастья. Восточные немцы любопытной лавиной двинулись в города ФРГ, где им как гостям выдавали по сто марок каждому в специально оборудованных пунктах.

В Любеке, в этом старинном городе, где островная часть с культурными памятниками мирового значения охраняется законом, шумно и празднично. В Старом городе трабанты украшены цветами и марципанами, люди передают приезжающим в машины фрукты и сладости. Возле пограничного пункта Шлутуп собралась огромная толпа, приветствуя каждого прибывающего восточного гостя – родственника ближнего или дальнего.

– Показывайте ваше изобилие, – кричали гости, – мы хотим все увидеть своими глазами и попробовать на язык!

– Гюнтер, как я рада тебя видеть живым и здоровым, – обнимала пожилая женщина, одетая в синий юбочный костюм из тонкой шерсти, не менее пожилого высокого человека в фетровой шляпе и коричневом синтетическом плаще, – как поживаешь, где твои славные дети?

– О, дорогая Фрида, ты, я вижу, поджидала старого Гюнтера. Господь услышал наши молитвы, и теперь мы будем часто навещать друг друга и уж тогда подробно узнаем о жизни каждого из нашей семьи.

– Я знала, что рано или поздно наш народ будет жить вместе. Разве мы, простые люди, виноваты в той страшной Богу неугодной

войне? Нашлись умные люди, решили жить в мире и не пугать нас, стариков, новыми бедами.

Ноябрь уже дышал свежестью, и прибывших можно было узнать по курткам из кожзаменителя и плащам, на лицах радостные и приветливые улыбки, возгласы при оценке угощений, состоящих большей частью из бутылочки колы, гамбургеров и бананов, которые тут же поедались с аппетитом. Стоянки машин переполнены дешевыми авто. К обеденному часу в городе закончился запас банкнот достоинством в 100 марок: местные власти не ожидали такого наплыва гостей. Пришлось обращаться в универмаги и другие магазины, чтобы владельцы выдали в качестве аванса свою выручку. Предприимчивые торговцы уступают гостям товары на десять марок ниже. Владельцы кафе предлагают чашечку кофе бесплатно. Триумф воссоединения нации выливается в праздничное шествие. Над толпой летают крылатые фразы: «Горби гут! Горби хорошо! Горби друг!»

Даже козе уже понятно, что из объединенной Германии скоро двинутся на родину полки и дивизии. Лейтенант Овсяников волновался за свою судьбу более других: как же он оставит в Берлине жену-студентку? Он будет до последнего держаться за эту причину и уйдет отсюда одним из последних, если такое случится. Начались телефонные переговоры по этому поводу с тестем. Он сначала ни отрицал, ни подтверждал будущих перемен в жизни дочери и зятя, но вскоре стал говорить о перспективе здравого смысла, а он, по его мнению, выражался в том, чтобы не дожидаться, когда начнется массовое бегство крыс с корабля, стоит загодя определиться в хорошую точку Союза. Такой точкой за несколько месяцев до намечавшегося вывода войск из Германии для лейтенанта Овсяникова была определена одна из частей, дислоцированных в Днепропетровске. Виктор долго не давал согласия тестю, чтобы тот включил свои связи и перевод бы состоялся.

Инна, разумеется, активно обсуждала будущее житье-бытье, страшно негодовала на сгущающиеся черные обстоятельства.

— Я не представляю, как можно жить в однокомнатной хибаре, она пропитана сотнями запахов бывших жильцов и раздавленными тараканами! — горячилась она всякий раз, когда речь заходила о предстоящем переезде, на котором после Нового года настаивал отец. Более того, ей придется доучиваться в Союзе, поскольку жена, по его мнению, не может многие месяцы быть без мужа.

Инне понятен перец такой заботы папочки, он в курсе ее старых школьных увеселений, ставших причиной срочного замужества, тем надрывнее давит на душу его настойчивость переезда. Но Инна не пасовала в своих претензиях даже перед папочкой, отвечая ему по телефону:

— Я не собираюсь жить в летнем палаточном городке — пусть даже в живописных дубравах, окружающих Днепропетровск. Там всюду песок, пыль, грязь. Почему не Москва или Ленинград?

— Инна, перестань капризничать, в палатках ты жить не будешь. Все это временно и делается на скорую руку. Третий курс ты будешь

проходить в столице, и твой муж тоже будет там. Неужели ты не веришь в мои силы?

— Кто бы сомневался, но разве нельзя все это сделать, минуя промежуточный этап Днепропетровска?

— Пока нельзя, — резко отрезал отец, — делайте как я говорю, и все образуется.

Инна надула губы, но с папочкой не поспоришь, если что-то решил, то не развеешь это решение женской логикой и капризами. Папа, конечно, гигант мысли, но в данном случае мыслит как бульдозер.

Службу Овсяников нес безупречно. Он умел ладить с солдатами и со своим непосредственным начальством. Дважды проведенные успешно стрельбы выдвинули лейтенанта на досрочное присвоение звания. В канун его перевода в Союз ему присвоили старшего лейтенанта. Расставаться с дивизионом не хотелось. Но тесть настаивал, командир дивизии не удерживал.

Овсяникова раздирали на куски любовь к жене и ревность к ее одиночеству, своя будущая тоска. Тесть же гнул свою палку. Под его гнетом Виктор хорошо подумал и нашел, что тесть по-мужски прав, грядущее расформирование группировки войск, насчитывающей сто тысяч офицеров и членов их семей, выльется в катастрофу: в бесквартирном Союзе их девать некуда, и скрепя сердце согласился досрочно катапультироваться на берега Днепра, устроиться с жильем. И терпеливо ждать приезда жены после окончания курса. До этого срока они непременно могут несколько раз встретиться. Ближайшая дата — Первомайские праздники. Потом, прознав, как у него хорошо, будет прилетать на выходные на крыльях лайнера.

Родители не подозревали, в отличие от Виктора, что упорное сопротивление Инны всего лишь поза их любимицы: они не знали, что черная кошка, пробежавшая между молодыми в облике худрука Весеннего, оставила свой след и все чаще стала навещать молодую семью. Дебаты, вспыхивающие между молодоженами по поводу переезда, не приносили ничего хорошего. Инну раздражала срывающаяся успешная служба мужа, провал карьеры и мечты о райской жизни в будущих элитных кругах общества. Она обидно намекала о неведучести одного из них. Виктор, как мог, тушил вспышки гнева молодой пантеры, в принципе признавая ее правоту и свою беспомощность перед огромным кипящим страстями кратером перестройки советского общества, словно волчьими зубами неблагополучия вцепившейся не только в их карьеру, но и в любовь.

Та первая зима, первый год самостоятельной жизни и службы тоже не просто давались Виктору. Не сказать, что адаптация проходила катастрофически сложно — у него был сердечный друг, с которым он делил все тяготы начавшейся службы. Оторванность от дома и родных у обоих находила душевный отклик, и все упрощалось. Но как раз этот друг и нанес сокрушительный удар, от которого затрещала душа и собралась вытряхнуть из себя весь иллюзорный

любовный хлам. Но прошло несколько молчаливых и черных дней, напуганная изменой и черным настроением мужа Инна взмолилась, а Виктор не смог не принять мольбу. Сердце его оттаяло от первого же нежного поцелуя жены, бурной страсти на их удобной широкой кровати. Отношения возобновились и вскоре выровнялись, но того душевного спокойствия, что до измены, он уже не имел.

«Это у нее пройдет, — убеждал себя Виктор без особого терзания, чаще всего находясь в наряде по полку, сидя у телефона в офицерской комнате в одиночестве в глухие часы ночей, — оказывается, я ее действительно люблю, коль смог простить. Но что это было? Наследство бурной школьной юности, и со временем вулкан страсти к другим потухнет? Или она торопится пожать плоды своей прелести в лучшие годы?»

Его внутренний монолог продолжался и в теплой постели, где голова любимой чаще всего лежала у него на груди в мирном и сладком сне после бурного приступа страсти: «Но эти годы растянутся на десятилетия, это же не бутон розы, отцветающей в несколько дней! Что ж, я так и буду прощать ее распушенность? Но прощаю не я, — оправдывал он тут же себя, — прощает моя любовь. Я люблю этот цвет розы, пройдет отпущенное для цветка время, и красота увянет, завяжется и созреет плод. Но будет ли он настолько привлекателен против цветения? Да, будет. Этот плод, его будущее дитя, навечно закрепит сегодняшнюю пламенную любовь под названием: “счастливая семья”!»

Он взял ее свежую красоту и не хочет ни с кем делиться этим даром. Ответная страсть молодой женщины, всякий раз переполненная до краев, не давала сомневаться в искренности чувств. Виктор стал забывать страшную размолвку, поскольку дела складывались хорошо: служба, любимая женщина, домашний уют — все отвечало его непритворливой натуре, взятой в наследство от мамы. Не стоит обижаться на свою судьбу, надо жить свободнее, смотреть шире. Пришло лето, и в июле они отправились в отпуск на родину. Ему казалось, что река жизни больше не ударит их челн о подводный камень. Они неделю погостили в селе у родителей Виктора, пару раз выезжали на берег Миновнушки, жарили шашлыки, купались, кормили комаров, но Инне было скучно без своих школьных подруг и друзей, и супруги уехали в город. Пикники с обильной вышивкой не очень смущали Виктора, но появившийся в последние дни новый приятель Инны, толстогубий и смазливый Николай Беляшов, показался беззащитным ловеласом и, можно сказать, на глазах стал приударять за Инной. За ней ухаживали многие одноклассники, но это выглядело дружеским привычным жестом, и у Инны никогда не загорались глаза жадными огоньками, как теперь при встречах с Николаем, хотя она и отрицала всякую заинтересованность в новичке. Может быть, Виктор действительно не придавал бы значения тем мимолетным взглядам и похотливым огонькам в глазах жены, если бы она не отказалась лететь в часть вместе с ним по окончании отпуска. И тут он почувствовал, что челн их жизни ворвался в бурный поток и вот-вот с огромной силой ударит